

Юрий Левитанский

**НУ ЧТО С ТОГО,
ЧТО Я ТАМ БЫЛ?**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л36

Составитель – *Ирина Машковская*

Левитанский, Юрий Давидович.
Л36 Ну что с того, что я там был? / Юрий Левитанский. –
Москва : Издательство АСТ, 2019. – 256 с. – (Стихи
и песни).

ISBN 978-5-17-118355-4

В сборник «Ну что с того, что я там был?» Юрия Левитанского вошли наиболее известные его произведения, посвященные двум главным темам: любви и творчеству. Читатель может проследить интереснейшее развитие поэтического дара от более ранних, послевоенных стихов до самых последних, написанных незадолго до конца жизни.

УДК 821.161.1-1
84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-118355-4

© Ю.Д. Левитанский, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Промельк мысли. Замысел рисунка.
Поединок сердца и рассудка.
Шахматная партия. Дуэль.
Грозное ристалище. Подобье
благородных рыцарских турниров —
жребий брошен, сударь,
нынче ваш
выбор — пистолеты или шпаги.

(Нотные линейки. Лист бумаги.
Кисточка. Палитра. Карандаш.
Холст и глина. Дерево и камень.)

Сердце и рассудок. Лед и пламень.
Страсть и безошибочный расчет.
Шахматная партия. Квадраты
белые и черные. Утраты
все невосполнимее к концу.
Сердце, ты играешь безрассудно.
Ты рискуешь. Ты теряешь в темпе.
Это уже пахнет вечным шахом.
Просто крахом пахнет, наконец.
А рассудок — он играет точно
(ход конем — как выпад на рапире!),
он, рассудок, трезво рассуждает,
все ходы он знает наперед.

Вот он даже пешку не берет.
Вот он даже сам предупреждает:
что вы, сударь, что вы,
так нельзя,
шах, и вы теряете ферзя —
пропадает ваша королева!..
Но опять
все так же
где-то слева
раздается мерный этот звук —
тук да тук,
и снова —
тук да тук
(сердце бьется, сердце не сдается),
тук да тук,
все громче,
тук да тук
(в ритме карандашного наброска,
в ритме музыкального рисунка,
в ритме хореической строки) —
чтоб всей силой
страсти и порыва,
взрыва,
моментального прорыва,
и, в конце концов,
ценой разрыва
победить,
рассудку вопреки!

К птичьему прислушиваюсь крику.
Вижу только море вдалеке.
Море ходит. Море пишет книгу.
Книгу о себе. О старике.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Медленно стихающий прибой.
Что такое старость? Поединок.
С берегами. С временем. С судьбой.

Днища рассыхаются у лодок.
Черный борт ракушками оброс.
Призрачность улова. Сеть уловов.
Кто кого? Неведомо. Вопрос.

Как в корриде, перед мордой бычьей.
Та же несущественность улик.
Быть с добычей — или стать добычей.
Только это. Выбор невелик.

Только это. Прочее — подробности.
Этим и подробности полны.
Ощущенье краткости и дробности.
Напряженной сжатости волны.

Только волны. Волны, за которыми
Набегают волны, в свой черед.
Это все подчеркнуто повторами.
Взад-вперед. И снова — взад-вперед.

Белый — синий. Белый цвет и синий.
Дни и годы. Годы и века.
Та же повторяемость усилий.
То же повторение рывка.

Поплавок неверен и обманчив.
По воде расходятся круги.
И тогда на свет выходит мальчик.
Он глядит на свет из-под руки.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Слабенькая детская рука.
Вьется леска. Длится поединок.
Лишь вода — темна и глубока.

Вот мною не написанный рассказ.
Его эскиз.
Невидимый каркас.
Расплывчатые контуры сюжета.
А самого рассказа еще нет,
хотя его навязчивый сюжет
давно меня томит,
повелевая —
пиши меня,
я вечный твой рассказ,
пиши меня
(и это как приказ),
пиши меня
во что бы то ни стало!..

Итак, рассказ о женщине.
Рассказ
о женщине,
которая летала,
и был ее спасительный полет
отнюдь не цирковым аттракционом,
а поиском опоры и крыла
в могучем поле гравитационном
земных ее бесчисленных тягот...
Таков сюжет,
уже который год
томящий мою душу неотступно —
не оттого ль,

что, как сказал поэт,
я с давних пор,
едва ль не с детских лет,
непоправимо ранен женской долей,
и след ее,
как отсвет и как свет,
как марево над утренней рекою,
стоит почти за каждою строкою,
когда-либо написанною мной?..

Таков рассказ. Его сюжет сквозной.
О чем же он? О женщине. Одной.
(И не одной.)

Навязчивый сюжет,
томящий мою душу столько лет,
неумолимо мне повелевая —
пиши меня,
я вечный твой рассказ,
пиши меня
(не просьба, а приказ),
я боль твоя,
я точка болевая!..

И я пишу.

Всю жизнь его пишу.
Пишу, пока живу. Пока дышу.
О чем бы ни писал —
его пишу,
ни на мгновение не переставая.

Моя любовь к тебе — как горная вершина
или волна солоноватая морская.

Все, чем я жил и чем живу, она вершила,
ни на минуту от себя не отпуская.

Я видел, как она растет и как шагает,
то сокрушительна, а то нетороплива.
Она то стужей леденит, то обжигает,
пора прилива у нее, пора отлива.

Она не бросит ни за что, но и не просит
бежать за ней, когда за дверью непогода.
Она раскинется тайгой, где нету просек,
а то прикинется рекой, где нету брода.

А ты все так же дорожишь лишь небом синим.
Зачем ты веришь в эту ложь, не понимаю,
и так растерянно дрожишь под небом зимним,
и так испуганно живешь от мая к маю.

Как медленно тебя я забывал!

Не мог тебя забыть,

а забывал.

Твой облик от меня отодвигался,

он как бы расплывался,

уплывал,

дробился,

обволакивался тайною

и таял у неближних берегов —

и это все подобно было таянью,

замедленному таянью снегов.

Все таяло.

Я начал забывать

твое лицо.

Сперва никак не мог

глаза твои забыть,

а вот забыл,

одно лишь имя все шепчу губами.

Нам в тех лугах уж больше не бывать.

Наш березняк насупился и смолк,

и ветер на прощанье протрубил

над нашими печальными дубами.

И чем-то горьким пахнет от стогов,

где звук моих шагов уже стихает.

И капля по щеке моей стекает...

О, медленное таянье снегов!

Узнаю тебя, жизнь, принимаю...

Приближаясь к спокойному устью,
оставляя все дальше исток,
иногда с неосознанной грустью
календарный срываю листок.

Я с непрожитых чисел снимаю
отслужившее службу число,
будто парус рукой поднимаю,
заношу над водою весло.

И несут меня быстрые воды,
только веслами крепче ударь, —
и смещаются даты и годы,
и летит со стены календарь.

Ты узнай меня, мама родная!
Это я, в гимнастерку одет,
прохожу от Днепра до Дуная
и старею на тысячу лет.

Я усы фронтовые не брею.
В них впитался махорочный дым.
Я мужаю, взрослею, старею
и опять становлюсь молодым.

Засыпаю при сполохах красных.
Прохожу в перекрестном огне.
И как будто два возраста разных
по-соседски ужились во мне.

Так живут в сочетании света
и осенней лесной полутьмы
все приметы недавнего лета
и предчувствие близкой зимы.

Будет вьюга.

Ах, зимняя вьюга,
у тебя не отнимешь права!
Но за вьюгой, легка и упруга,
пробивается к солнцу трава.

Может, больше мой снег не растает,
но жалеть ни о чем не могу.
Пусть другая трава вырастает,
перед той не оставшись в долгу.

Я глаза к небесам поднимаю.
Заношу над водою весло.
Не тужу ни о чем,
понимаю,
по каким меня рекам несло.